

ПЕРВЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУСЪ

въ 1813 — 1825 гг.

ВОСПОМИНАНІЯ БЫВШАГО ВОСПИТАННИКА.

[Посвящается дѣтямъ моего товарища Н. К. Тетеревникова].

Первый кадетскій корпусъ, какъ извѣстно, основанъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, въ 1732 году. Основателемъ и первымъ директоромъ или попечителемъ этого военно-учебнаго заведенія былъ фельдмаршалъ графъ Минихъ.

Минихъ, какъ гласитъ преданіе, старался внушать и вкоренять въ юнымъ сердцахъ своихъ питомцевъ священныя правила религіи, рыцарскую честность и строгую нравственность. Изъ числа достойнѣйшихъ преемниковъ Миниха, въ исторіи Перваго кадетскаго корпуса упоминаются и съ уваженіемъ произносятся имена графовъ: Ангальта и Коновницына.

Въ царствованіе Александра I, военно-учебныя заведенія находились подъ покровительствомъ цесаревича великаго князя Константина Павловича, какъ главнаго начальника Пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ. Отечественная война 1812 года и заграничный походъ 1813 и 1814 годовъ, въ которыхъ цесаревичъ принималъ непосредственное участіе, отвлекали его отъ любимыхъ занятій. Въ 1816 году, цесаревичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ польскою арміею и отправился въ Варшаву; бывшіе корпуса состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ гг. директоровъ, безъ всякаго надъ ними контроля.

При вступленіи моемъ въ заведеніе семилѣтнимъ ребенкомъ, въ 1813 году, директоромъ 1-го кадетскаго корпуса былъ гене-

раля-лейтенантъ Клиндеръ, весьма угрюмый и суровый человекъ. Не отличаясь «мягкосердіемъ», Клиндеръ былъ неумолимо строгъ съ кадетами; снисхожденіе и ласковое обращеніе съ питомцами были чужды его сердцу; дѣти боялись его. Въ продолженіе девятнадцати-лѣтняго управленія корпусомъ (съ 1801 по 1820 годъ) генераломъ Клиндеромъ не было сдѣлано никакихъ улучшеній ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ и ни въ учебномъ воспитаніи кадетъ; то было время какой-то безжизненности въ корпусѣ. Кромѣ того, Клиндеръ, какъ ученый, занималъ почетныя должности и по женскимъ учебнымъ заведеніямъ; но, какъ иностранецъ, не желалъ выучиться русскому языку, который не мѣшало бы ему знать, какъ директору учебнаго заведенія въ Россіи; съ кадетами Клиндеръ объяснялся на французскомъ языкѣ, а инспекторъ классовъ переводилъ намъ по русски; отдавая приказаніе заключить виновнаго кадета въ тюрьму, Клиндеръ говорилъ: «на турма ево»¹⁾. Вотъ все, что онъ могъ связать на русскомъ языкѣ.

Клиндеръ уничтожалъ даже полезныя учрежденія, основанныя его предшественникомъ — графомъ Ангальтомъ. Каменная стѣна, отдѣлявшая корпусный садъ отъ прочихъ строеній, известная подъ названіемъ: *la muraille parlante* (говорящая стѣна), по приказанію Клингера, была тщательно закрашена, чтобы не оставалось и слѣдовъ написаннаго на ней; между тѣмъ, по рассказамъ бывшихъ воспитанниковъ Ангальта, кадеты, гуляя въ саду и прочитывая правоученія, начертанныя на стѣнѣ, приобрѣтали полезныя научныя свѣдѣнія и внѣ классовъ. Одинъ изъ воспитанниковъ кадетскаго корпуса при Ангальтѣ вѣрно выразился: «графъ Ангальтъ умѣлъ заставить говорить и самыя стѣны корпуса».

Малолѣтнее отдѣленіе, состоявшее въ то время при 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, было раздѣлено на шесть камеръ, подъ управленіемъ дамъ. Начальница 1-й камеры была М-ше Бертольдъ (она же и директрисса малолѣтняго отдѣленія); 2-й М-ше Алабова; 3-й М-ше Боньеть; 4-й М-ше Воронцова; 5-й М-ше

¹⁾ Въ то время мѣсто заключенія кадетъ не называлось карцеромъ, а тюрьмою.

Альбедиль, а послѣ ея смерти М-ше Висковатова (мать Александра Васильевича ¹⁾), и 6 й М-ше Бонъетъ.

Въ корпусѣ тогда были открытыя галереи, по которымъ дѣти должны были проходить изъ дортуара въ столовую, изъ столовой въ классы, изъ классовъ въ залу. Зимой, въ 20° слишкомъ мороза, прогулки эти по галереямъ были довольно ощутительны и неприятны, тѣмъ болѣе, что одежда наша была легкая: суконная куртка съ брюками, башмаки и нитяные чулки, голова и шея открытыя, о наушникахъ и перчаткахъ не было и помина; къ этому костюмѣ лѣтомъ — жарко, а зимой — холодно. Наши камерныя дамы, сопровождая насъ по утрамъ изъ дортуара, въ столовую, чтобы поддерѣпить наши дѣтскія силы габеръ-супомъ, надѣвали зимой мѣховой салопъ и теплый вапоръ, а кадеты, въ означенномъ костюмѣ, слѣдовали за ними въ должномъ порядкѣ — попарно, маленькіе впереди. Полы были окрашены только въ лазаретѣ; въ залѣ и дортуарахъ были простыя, и мылись едвали одинъ разъ въ недѣлю. Въ рекреационной залѣ былъ одинъ стулъ для дежурной дамы, небольшой ларь для нашихъ нянекъ, и затѣмъ положительно — никакой другой мебели.

Всякій можетъ себѣ представить, что происходило въ этой залѣ, при сборѣ не менѣе 150-ти человѣкъ дѣтей, которые ходили, бѣгали и рѣзвились; дежурная дама, по снисхожденію къ дѣтямъ, довольно долгое время терпѣла шумъ и гамъ кадетъ, и наглотавшись пыли до-сыта, наконецъ, приказывала намъ садиться, и мы располагались на полу — по азіатски.

Вмѣсто чаю, намъ давали поутру тарелку габеръ-супу съ хлѣбомъ, а въ четыре часа по полудни небольшую булку и стаканъ невской воды; о прочей пищѣ не буду распространяться, скажу только, что въ то время кадеты нерѣдко заболѣвали — скорбутомъ.

По методѣ тогдашняго воспитанія, «розги» были необходимое

¹⁾ Александръ Васильевичъ Висковатовъ воспитывался вмѣстѣ со мной въ малолѣтнемъ отдѣленіи; въ 1818 году, какъ отличный воспитанникъ, въ числѣ 9-ти кадетъ поступилъ въ гренадерскую роту; прочіе затѣмъ кадеты, при переводѣ ихъ изъ малолѣтняго отдѣленія, поступали въ резервную роту.

и естественное средство для исправленія дѣтей — въ ихъ нравственности. На этомъ основаніи, наши камерныя дамы не упускали случая употребить это материнское наказаніе, нерѣдко и за маловажныя дѣтскія шалости. М-ше Берггольдъ, какъ директрисса, наказывала дѣтей за особые важныя проступки: эти экзекуціи производились въ классахъ, и послѣ наказанія кадетъ былъ обязанъ, со слезами на глазахъ, поцѣловать руку м-ше Берггольдъ и поблагодарить ее. Домашнія наказанія производились собственноручно нашими дамами, какъ мать наказываетъ своего непослушнаго и капризнаго ребенка-сына; слѣдовательно, объ этомъ знали только наши камерные товарищи, которые не выносили изъ избы сора, потому что между кадетами была примѣрная дружба и товарищество, которое не измѣнялось и не прекращалось внѣ корпусныхъ стѣнъ.

Публичное наказаніе М-ше Берггольдъ чрезвычайно оскорбляло наше дѣтское самолюбіе, — оно производилось служителемъ, состоявшимъ при отдѣленіи.

Пробывъ шесть лѣтъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи, я былъ переведенъ въ роту, въ 1819 году, и въ числѣ пяти кадетъ удостоился поступить въ гренадерскую его высочества цесаревича роту ¹⁾. Въ то время капитаномъ той роты былъ Карлъ Карловичъ Мердеръ (въ послѣдствіи попечитель нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора).

По какому случаю рота эта называлась его высочества цесаревича? — расскажу, что слышалъ по этому предмету.

По рассказамъ стариковъ-очевидцевъ, во время посѣщенія императоромъ Павломъ Петровичемъ бывшаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса, его величество уронилъ палку или трость (съ какимъ-то умысломъ); одинъ изъ кадетъ того корпуса подбѣжалъ тотчасъ и, поднявъ трость, имѣлъ счастье вручить его величеству; тогда императоръ Павелъ Петровичъ сказалъ:

— «Повелѣваю этому корпусу именоваться Первымъ кадетскимъ корпусомъ, и сыну моему, цесаревичу Константину — шефомъ гренадерской роты этого корпуса».

¹⁾ Кадеты малолѣтняго отдѣленія, при переводѣ ихъ, поступали въ резервную роту, но по ходатайству вашихъ камерныхъ дамъ, для поощренія прочихъ воспитанниковъ, въ 1818 и 1819 годахъ, четырнадцать кадетъ поступили прямо въ гренадерскую роту.

Въ первый день нашего перевода, Карлъ Карловичъ Мердеръ обласкалъ насъ и присласилъ къ себѣ, гдѣ провели мы нѣсколько часовъ въ кругу его добраго семейства.

Пища въ ротaxъ, въ то время, была улучшена: поутру, вмѣсто чаю, давали кадетамъ двѣ булки; обѣдъ состоялъ изъ трехъ, а ужинъ изъ двухъ блюдъ. Одежда была слѣдующая: двубортный мундиръ съ золотымъ галуномъ по воротнику и на обшлагахъ, и сѣрые брюки съ крагами. Эти солдатскія краги, изъ толстой кожи и дурно пригнанныя, портили ноги кадетамъ; просидѣть въ нихъ восемь часовъ въ классахъ была настоящая мука или пытка, потому, что ноги дѣлались отъ крагъ какъ будто налитыя свинцомъ.

Въ корпусѣ въ то время не было никакихъ гимнастическихъ упражненій, кадеты дѣлали весьма мало моціона, и вслѣдствіе этого, несвойственнаго юношескимъ лѣтамъ, костюма у многихъ кадетъ болѣли ноги и дѣлались кривыми. У насъ въ корпусѣ былъ тогда кадетъ Кирхоханъ, привезенный изъ Греціи; у него болѣли ноги до такой степени, что онъ едва передвигалъ ихъ; всходить на лѣстницу и спускаться съ нея ему было чрезвычайно трудно, потому что у него не сгибались ноги; ходьба его изъ дортуара въ столовую, въ залу, или въ классы и обратно продолжалась въ каждый конецъ едва ли не болѣе какъ по десяти или пятнадцати минутъ, а потому онъ всегда и всюду опаздывалъ. Зимой, во время большихъ морозовъ, изъ жалости къ нему, два сильныхъ кадета брали Кирхохана подъ руки и, поднявъ на воздухъ, несли его въ такомъ положеніи ускореннымъ шагомъ. Не смотря на такое болѣзненное состояніе ногъ у Кирхохана, онъ носилъ съ прочими кадетами солдатскія краги; наконецъ, корпусное начальство сжаилось надъ нимъ, и только въ послѣднее время пребыванія его въ корпусѣ приказало сшить ему сѣрые брюки — безъ крагъ; по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, родные Кирхохана должны были взять его изъ корпуса.

Въ ротaxъ учили насъ военной эзерциціи. Въ 1818 году, 1-й и 2-й кадетскіе корпуса и Дворянскій полкъ, въ составѣ двухъ баталіоновъ, государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, были представлены по фронтовой части на смотръ прускому королю Фридриху Вильгельму III, бывшему въ то

время въ С.-Петербургѣ, а въ 1821 году, главный директоръ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генераль-адъютантъ графъ Коновницынъ представлялъ тѣ же корпуса на смотръ императору Александру I; въ первомъ случаѣ я былъ зрителемъ, но въ послѣднемъ находился въ рядахъ Перваго корпуса.

Инспекторомъ классовъ Перваго корпуса былъ генераль-маіоръ Михаилъ Степановичъ Перскій, бывшій воспитанникъ графа Ангальта. Ласковое обращеніе съ воспитанниками, неусыпные труды и заботы объ умственномъ нашемъ образованіи, приобрѣли М. С. Перскому всеобщее уваженіе и искреннюю признательность кадетъ.

Изъ числа достойнѣйшихъ учителей въ высшихъ классахъ, назову гг. Фусса, Талызина, Коля, Шульгина, Денисова, Вольгемута и Штейна. Ротными командирами въ то время были: гренадерской роты подполковникъ Слатвинскій 1-й, подполковникъ Ореусъ (бывшій воспитанникъ графа Ангальта и въ послѣдствіи директоръ Полоцкаго кадетскаго корпуса); 2-й — полковникъ Шмидтъ (онъ же баталіонный командиръ); 3-й — полковникъ Черкасовъ и резервной роты — подполковникъ Эллерманъ. Изъ поименованныхъ ротныхъ командировъ, только Черкасовъ не отличался мягкосердечіемъ и былъ очень суровъ.

Сверхъ того, въ каждой ротѣ состояло четыре офицера, за вѣдывавшіе отдѣленіями. Мое воспоминаніе было бы не полное, если я не упомянулъ бы здѣсь имя эконома Перваго корпуса — Андрея Петровича Боброва. Андрей Петровичъ изъ мелкихъ чиновниковъ дослужился до чина статскаго совѣтника и имѣлъ орденъ св. Анны 2-й ст., украшенный алмазами. Это былъ добрѣйшій и честнѣйшій человекъ; находясь экономомъ болѣе 20-ти лѣтъ, Андрей Петровичъ не приобрѣлъ себѣ никакого состоянія; кадеты любили Боброва до-нельзя; одинъ изъ воспитанниковъ снялъ съ него портретъ, кадеты сдѣлали складчину и заказали литографическій портретъ А. П. Боброва; сто экземпляровъ его отисса были расхвачены кадетами на память.

Считаю не лишнимъ также упомянуть здѣсь о бывшемъ старшемъ докторѣ, статскомъ совѣтникѣ Зеленскомъ, и передать его странности, происходившія будто бы вслѣдствіе душевной его скорби о потерѣ нѣжно-любимой имъ жены.

Докторъ Зеленскій, дѣлая визитацію по лазарету, если замѣ-

чалъ, что нѣкоторые изъ больныхъ, желая остаться лишній день въ лазаретѣ, выказывали ему жалую и страдальческую физиономію, онъ озадачивалъ тѣхъ кадетъ слѣдующими словами: «Гри-масы не дѣлать, и стоять предо мной какъ предъ Иисусомъ Хри-стомъ! Богъ, Ломоносовъ и я! Возьму за пульсъ—все узнаю; о чемъ думаешь — узнаю!» Такія выходки доктора Зеленскаго не слѣдовало считать признакомъ умственного его расстройства (какъ предполагали другіе), но были ничто иное какъ шутки, употребляемыя имъ съ тѣми кадетами среднихъ классовъ, которые своимъ притворствомъ намѣревались обмануть его. Зеленскій былъ очень добрый человекъ и любилъ кадетъ; когда бывали трудно-больные, то онъ находился въ лазаретѣ почти безвыходно, оказывая имъ всевозможныя медицинскія пособія, дабы облегчить ихъ страданія; многіе изъ нихъ выздоравливали, обязанные вполне искусству и неусыпному за ними ухаживанію доктора Зеленскаго.

Теперь я долженъ говорить о весьма непріятномъ предметѣ—о взысканіяхъ, которымъ подвергали кадетъ за ихъ проступки; постараюсь сколько возможно быть краткимъ. О тѣлесныхъ наказаніяхъ, совершенно сходныхъ съ «солдатскими», я умолчу; всякій можетъ представить себѣ это жестокое истязаніе! За важныя проступки, виновные кадеты были заключаемы въ тюрьму, на недѣлю и болѣе мѣсто (заключенія кадетъ, какъ я объяснялъ выше, не называлось «карцеромъ»). По рассказамъ кадетъ, находившихся въ заключеніи, эта тюрьма ¹⁾ состояла изъ небольшой отдѣльной комнаты, куда проникалъ слабый свѣтъ чрезъ небольшое окошечко съ желѣзною рѣшеткой; въ ней находилась кровать и столъ, прибитые къ полу; кровать безъ соломенника, а вмѣсто подушки были прибиты доски въ наклонномъ положеніи; съ виновнаго снимали мундиръ и надѣвали солдатскую шинель, и онъ находился на пищѣ св. Антонія: на хлѣбѣ и водѣ. Когда оканчивался срокъ заключенія, ротный командиръ приходилъ въ тюрьму, сопровождаемый четырьмя служителями съ пучками «розогъ», и заключенный подвергался жестокому тѣлесному наказанію, всегда тщательно скрываемому отъ кадетъ.

¹⁾ Означенныя тюрьмы были устроены въ отдѣльномъ каменномъ трехъ-этажномъ зданіи, подъ названіемъ: Le jeu de romme, перекрещенное по русски въ «Жедепонъ».

Русская пословица говоритъ: «съ одного вола двухъ шеуръ не деруть!»—но корпусное начальство ея не придерживалось: за каждый сколько нибудь важный проступокъ, виновный кадетъ почти постоянно подвергался двумъ, а иногда и тремъ наказаніямъ.

Кадеты, испытавшіе тѣлесное наказаніе, рассказывали будто бы розги «вымачивались въ водѣ», чтобы сдѣлать наказаніе болѣе «чувствительнымъ». Если допустить справедливость тѣхъ рассказовъ, то, по всей вѣроятности, это дѣлалось безъ вѣдома ротныхъ вомандировъ, самими служителями, такъ какъ между ними были очень грубые и жестокіе люди; исполняя обязанность «палачей» при экзекуціяхъ, они сѣкли кадетъ безъ всякой къ нимъ жалости.

Такое «жестокое» и «позорное» для благороднаго юношества тѣлесное наказаніе, оскорбляя врожденныя благородныя и возвышенныя чувства, озлобляло многихъ кадетъ до невѣроятности, такъ что, при наказаніи, нѣкоторые изъ нихъ, съ твердымъ и истинно-рыцарскимъ характеромъ, дабы не кричать и скрыть боль отъ наказанія, или, лучше сказать, чтобы пересилить эту боль, кусали до крови свои пальцы! Это не вымыселъ, но «фактъ», который я могу объяснить лично и назвать ихъ по фамиліи.

Въ 1819 году генераль-адъютантъ императора Александра I, графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, былъ назначенъ главнымъ директоромъ Пажескаго и другихъ кадетскихъ корпусовъ, Дворянскаго полка и Императорскаго Царскосельскаго лицея съ принадлежавшимъ ему пансіономъ, а въ 1820 году генераль Клингеръ, по прошенію, уволенъ отъ званія директора 1-го кадетскаго корпуса ¹⁾. Въмѣсто его директоромъ Перваго корпуса назначенъ инспекторъ классовъ генераль-маіоръ Перскій, съ оставленіемъ при прежней должности.

Съ назначеніемъ главнымъ директоромъ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генераль-адъютанта графа Коновницына, въ корпусѣ все переродилось и измѣнилось къ лучшему. Возврати-

¹⁾ Генераль Клингеръ, какъ гордый и самолюбивый иностранецъ, не хотѣлъ имѣть надъ собой «контролера» и подчиняться русскому начальнику, поставленному выше его.

лись времена незабвеннаго директора Екатерининскаго вѣва — графа Ангальта. Какая-то невидимая сила руководила поступками кадетъ: мы старались быть благоправными, послушными, и все дѣлалось безъ приказаній и напоминаній со стороны корпуснаго начальства; графъ Коновницынъ былъ въ состояннн сдѣлать такой счастливый «переворотъ» во всѣхъ корпусахъ.

Если посѣщенія графа Коновницына бывали во время сбора кадетъ въ саду или въ залѣ, то всякій спѣшилъ на встрѣчу любимому начальнику, а въ малолѣтнемъ отдѣленн дѣти окружали графа Коновницына, какъ нѣжно-любимаго отца, и положительно заграждали ему дорогу; каждый желалъ удостоиться «ласки», или услышать привѣтливое «слово» отъ графа. Таковыя сцены бывали довольно продолжительны, такъ что директоръ корпуса, сопровождавшн графа Коновницына, долженъ былъ просить дѣтей дать дорогу пройти графу.

Это счастливое время продолжалось только три года. Лѣтомъ въ 1822 году разнеслась въ корпусѣ плачевная вѣсть о смерти графа Коновницына; въ то время графъ съ семействомъ жилъ на дачѣ, гдѣ послѣдовала его кончина. Отпѣванн тѣла графа Коновницына совершалось въ церкви Перваго кадетскаго корпуса и при выносѣ гроба многіе изъ бывшихъ кадетъ пролили непритворныя слезы о потерѣ всѣми уважаемаго начальника и незабвеннаго воспитателя! Государь императоръ Николай Павловичъ (тогда еще великій князь) почтилъ похороны графа своимъ присутствіемъ. Императоръ Александръ Павловичъ находился тогда въ отсутствнн.

Послѣ умершаго графа Коновницына, главнымъ директоромъ Пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, а также и Царско-сельскаго лицея, назначенъ генераль-адъютантъ графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, родственникъ князя Смоленскаго.

Я считаю не лишнимъ передать нѣкоторыя свѣдѣнн и впечатлѣнн о бывшемъ наводненн въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 года.

Въ тотъ день, съ раннаго утра, по случаю чрезвычайно сильнаго вѣтра съ моря, вода въ Невѣ начала прибывать съ неимоверною быстротою, такъ что съ 9-ти часовъ утра она выступила изъ береговъ, затопивъ всѣ низменныя мѣста въ городѣ и по

окрестности. Изъ перваго верхняго класса, расположеннаго въ среднемъ этажѣ, противъ корпусныхъ воротъ, гдѣ я провелъ все утро 7-го ноября, въ отворенную калитку можно было видѣть постоянно-возраставшую прибыль и быстрое теченіе воды по улицѣ, или 1-й линіи Васильевскаго острова; вскорѣ показались по той же улицѣ плившія дрова, вѣроятно, съ разбитой барки; затѣмъ, мимо воротъ, поплыла «платформа», съ будкой и часовымъ, а за ней слѣдовали караульные солдаты—съ ружьями, едва-ли не по волѣно въ водѣ ¹⁾.

По окончаніи классовъ, въ 11-мъ часу, вода ворвалась въ корпусный садъ и во дворъ, сорвавъ всѣ ворота съ невѣроятною силою, вмѣстѣ съ толстыми желѣзными крючьями. Вода бушевала цѣлый день со страшною яростью, разрушая и истребляя до основанія всѣ встрѣчающіяся ей на пути сколько нибудь слабая преграды.

При этомъ общемъ бѣдствіи, нижній, жилой этажъ въ Первомъ корпусѣ, а также подвалы и кладовыя со съѣстными припасами (частію спасенные), были затоплены водой; по этому случаю нашъ ужинъ въ тотъ день состоялъ изъ остатковъ отъ обѣда, но за то было вдоволь хлѣба и булокъ. Впрочемъ, того же дня вечеромъ, мы чрезвычайно обрадовались, увидѣвъ изъ оконъ, что на Румянцевской площади началъ ходить народъ съ фонарями, по чему можно было заключить, что вода сбыла; съ этимъ радостнымъ чувствомъ кадеты легли спать, но многіе изъ нашихъ бывшихъ товарищей провели ту ночь съ душевнымъ безпокойствомъ, вспоминая о своихъ родныхъ, жившихъ въ Галерной, или въ другихъ, болѣе низменныхъ частяхъ города, въ которыхъ бывшимъ наводненіемъ произведены весьма значительныя, страшныя опустошенія ²⁾.

¹⁾ При Первомъ корпусѣ, противъ памятника гр. Румянцеву, находился унтеръ-офицерскій караулъ, для занятія въ ономъ нѣкоторыхъ постовъ.

²⁾ При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что на другой же день послѣ наводненія, нѣкоторые изъ кадетъ, по чувству сыновней ихъ любви, рѣшились уходить ночью изъ корпуса, дабы провѣдать родныхъ и узнать о ихъ положеніи послѣ наводненія.

Въ ту зиму кадеты не были увольняемы въ домовый отпускъ, даже на праздники Рождества Христова, въ томъ вниманіи, что многіе изъ ихъ родныхъ и знакомыхъ, по бѣдности, оставались жить въ сырыхъ домахъ, бывшихъ затопленными наводненіемъ, а потому посѣщеніе родныхъ въ сырыхъ ихъ жилищахъ могло имѣть вредное вліяніе на здоровье воспитанниковъ. Поэтому кадеты не могли видѣть тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, и опустошеній въ Петербургѣ, произведенныхъ наводненіемъ въ роковую день 7-го ноября 1824 года, о которыхъ, по разсказамъ очевидцевъ, нельзя вспоминать безъ ужаса и сердечной грусти, даже по прошествіи 47 лѣтъ. При этомъ общемъ бѣдствіи, въ корпусѣ, благодаря Бога, не было особенныхъ несчастныхъ случаевъ, даже всѣ наши верховыя лошади были спасены; но по случаю поврежденій въ манежѣ и мокрой земли въ ономъ, а затѣмъ замерзшей отъ морозовъ, кадеты высшихъ классовъ, на долгое время, были лишены единственнаго удовольствія въ корпусѣ—верховой ѣзды.

Въ 1825 году я удостоился быть представленнымъ въ офицеры и высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ 28-й день апрѣля, произведенъ въ прапорщики, съ опредѣленіемъ на службу въ 1-й піонерный (нынѣ саперный) баталіонъ.

Нашъ выпускъ въ офицеры въ 1825 году былъ очень счастливый: трое изъ воспитанниковъ Перваго корпуса удостоились поступить въ лейбъ-гвардію Московскій полкъ, трое выпущены въ свиту его величества по квартирмейстерской части (нынѣ генеральный штабъ) и не малое число въ артиллерію и піонерные (нынѣ саперный) баталіонъ. Для выбора въ гвардію, великому князю Михаилу Павловичу (бывшему шефу лейбъ-гвардіи Московскаго полка) были представлены десять выпускныхъ воспитанниковъ, въ числѣ коихъ находился и я. Въ то время мы сами выбрали изъ среды своей трехъ болѣе красивыхъ и видныхъ товарищей, на коихъ падесть счастливый жребій быть выбранными въ гвардейскіе офицеры, а именно: Багговута, Евреинова и Горева, но вмѣсто послѣдняго, по особому ходатайству директора корпуса, его высочество великій князь Михаилъ Павло-

вичь удостоилъ выбрать въ гвардію перваго воспитанника по выпуску Тетеревникова.

Въ настоящее время Багговуть — генераль-отъ-кавалеріи, а Тетеревниковъ (скончавшійся въ 1873 году) дослужился до чина генераль-лейтенанта.

Сравненіе закрытыхъ военно-учебныхъ заведеній минувшихъ временъ съ нынѣшними общедоступными было бы, разумѣется, неумѣстно; однако нельзя не пожелать, чтобы ученики нынѣшнихъ военныхъ гимназій и училищъ помнили и сохраняли тотъ духъ добраго товарищества, которымъ были проникнуты ихъ дѣды.

Сооб. въ 1871 г. Е. Зенденгорстъ.

г. Уфа.